

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-87
EDN MYETCW

**«Форма сопротивления системе»: образ распятия в творчестве
И. А. Бродского 1960–1970-х гг.**

Анна Александровна Федотова

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. Статья посвящена рецепции И. А. Бродским одного из ключевых для христианства сюжетов – сюжета распятия Иисуса Христа. В ней впервые систематизированы и комплексно проанализированы произведения Бродского 1960-1970-х гг., которые включают аллюзии на соответствующее евангельское повествование: «Исаак и Авраам» (1963), «Речь о пролитом молоке» (1967), «Натюрморт» (1971), «Сретенье» (1972), «Развивая Платона» (1976). Рассмотренные в статье произведения Бродского в основном написаны еще до его вынужденной эмиграции, состоявшейся в 1972 году. Пропаганда атеизма, свойственная советскому обществу, не заставила поэта отвернуться от религиозных тем, но, наоборот, даже стимулировала его вновь и вновь обращаться к христианским мотивам и образам. В статье выявлены основные формы актуализации претекста, а также комплекс устойчивых мотивов (мотив страдания, мотив одиночества, мотив света), характеризующих образ распятия в творчестве Бродского. Предложена новая интерпретация рассмотренных текстов на основе проанализированных аллюзий. Уподобление Христа и лирического героя – это уподобление двух страдающих личностей, не принимаемых социумом (в «Речи о пролитом молоке» и «Развивая Платона») или сталкивающихся лицом к лицу со смертью («Натюрморт»). Характерно в этой связи, что евангельские аллюзии обычно актуализируются Бродским в тех фрагментах текстов, которые претендуют на роль эмоциональных кульминаций. Отсутствие однозначности в трактовке образа распятого Христа, наиболее отчетливо проявившееся в написанных фактически друг за другом «Натюрморте» и «Сретении», демонстрирует непрерывный религиозный поиск Бродского, поиск Бога как в пределах земной реальности, так и за ее границами. Этот поиск придает лирике поэта особенную метафизическую остроту, выводя ее за пределы ограниченной с точки зрения религиозности советской действительности.

Ключевые слова: И. А. Бродский; Евангелие; рецепция; интертекстуальность; символ; мотив; образ

© Федотова А. А., 2024

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Федотова А. А. «Форма сопротивления системе»: образ распятия в творчестве И. А. Бродского 1960–1970-х гг. // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 87-102. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-87>. <https://elibrary.ru/MYETCW>.

Original article

**“A form of resistance to the system”’: the image of crucifixion
in I. A. Brodsky's work of the 1960–1970s**

Anna A. Fedotova

Doctor of philology, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. The article focuses on I. A. Brodsky's reception of one of the key subjects for Christianity – the crucifixion of Jesus Christ. It is the first attempt at a systematic and comprehensive analysis of Brodsky's 1960s – 1970s works that include allusions to the relevant Gospel narrative: Isaac and Abraham (1963), Speech over Spilled Milk (1967), Still Life (1971), Candlemas (1972), Developing Plato (1976). Brodsky's works examined in this article were mostly written before his forced emigration in 1972. The propaganda of atheism inherent in Soviet society did not prevent the poet from writing on religious themes, but, on the contrary, encouraged him to turn to Christian motifs and images again and again. The article presents the main forms of actualizing the pre-text, as well as a set of persistent motifs (suffering, loneliness, light) characterizing the image of the crucifixion in Brodsky's work. The author offers a new interpretation of the poet's texts on the basis of the analyzed allusions. The comparison of Christ and the lyrical hero is a comparison of two suffering individuals rejected by the society (in Speech over Spilled Milk and Developing Plato) or coming face to face with death (Still Life). In this respect, it is quite typical that evangelical allusions are actualized by Brodsky in those text fragments that claim to be emotional climaxes. The lack of unambiguity in interpreting the image of the Christ being crucified (most clearly manifested in “Still Life” and “Candlemas”, written virtually one after the other) demonstrates Brodsky's constant religious search, his search for God both within the limits of earthly reality and beyond its boundaries. This search gives the poet's works a special metaphysical poignancy, taking them beyond the limits of the Soviet reality, limited from the religious point of view.

Keywords: I. A. Brodsky; Gospel; reception; intertextuality; symbol; motif; image

The research is funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Fedotova A. A. “A form of resistance to the system”’: the image of crucifixion in I. A. Brodsky's work of the 1960–1970s. *World of Russian-speaking*

countries. 2024; 1(19): 87-102. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-87>. <https://elibrary.ru/MYETCW>

Введение

Творчество И. А. Бродского активно привлекает внимание современных литературоведов. В последние годы вышел ряд статей и монографий, в которых исследуется как биография писателя [Лосев, 2008], так и наиболее значимые аспекты его поэтики (проблемы лирического субъекта и интертекстуальности [Ахапкин, 2018; Богданова, 2021; Ранчин, 2001; Ishov, 2017], циклообразования [Богомолов, 2004], строфики [Как работает стихотворение Бродского, 2002], коммуникативной структуры [Чаунина, 2019] и многие другие). Отдельным направлением исследования является изучение религиозной составляющей наследия поэта, «пламенного антиязычника» [Янгфельдт], как характерно назвал свою статью Б. Янгфельдт. Книга Янгфельдт «Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском» [Янгфельдт, 2011], включает в себя важные наблюдения о религиозности Бродского в целом, однако существует ряд не менее интересных частных работ, посвященных отдельным вопросам рецепции библейского текста в лирике автора [Ахапкин, 2018; Верхейл, 2022; Измайлов, 2008; Мищенко, 2008].

Между тем вопрос о христианских мотивах и образах в творчестве поэта еще не исчерпан, до сих пор не существует отдельного комплексно-

го исследования, посвященного этому вопросу. В рамках данной статьи остановимся на одном из аспектов названной проблемы – специфике обращения Бродского к одному из ключевых для христианства сюжетов – распятию Иисуса Христа. В качестве материала для анализа были отобраны стихотворения И. А. Бродского 1960–1970-х гг., для которых свойственно наличие отсылок к интересующему нас евангельскому повествованию: «Исаак и Авраам» (1963), «Речь о пролитом молоке» (1967), «Натюрморт» (1971), «Сретенье» (1972), «Развивая Платона» (1976). Используя традиционные методы комплексного филологического анализа текста, а также рецептивные и интертекстуальные методики, выявим особенности актуализации Бродским сюжета распятия.

Результаты исследования

В 1963 году, во время разгара хрущевской антирелигиозной кампании, совсем еще юный автор (Бродскому в то время было 23) написал поэму, которая в современном литературоведении считается важнейшим этапом на пути его духовного формирования (об этом см., например, [Лосев, 2008, с. 137]). На фоне ранней лирики Бродского «Исаак и Авраам» резко выделяется своей исключительно религиозной направленностью. Как следует уже из названия, поэма прямо обращена к ветхозаветному

повествованию, а создана она была после первого прочтения поэтом начальных книг Библии: «Я написал “Исаак и Авраам” буквально через несколько дней после того, как прочитал Бытие» (цит. по: [Лосев, 2008, с. 137]). В глубоко символической поэме Бродский обращается к широко известному рассказу о несостоявшемся жертвоприношении Авраамом своего сына Исаака. Сюжет «испытания веры» героя превращается в проникнутый духом экзистенциализма (во время написания произведения поэт читал также книгу С. Кьеркегора «Страх и трепет») рассказ об одиночестве человека во вселенной, о мучительных поисках и об обретении человеком Бога.

Поэма создана на основе диалога ветхозаветной и новозаветной традиции. В христианской экзегезе несостоявшееся жертвоприношение Исаака трактуется как прообраз крестной жертвы Иисуса Христа. В «Исааке и Аврааме» Бродский акцентирует внимание читателя на этих религиозных смыслах. Так, поэт обращается к единственному в библейском повествовании диалогу между Авраамом и Исааком: «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всежжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всежжения, сын мой. И шли далее оба вместе» (Быт. 22: 7–8) [Библия]. Психологизируя образ Авраама,

Бродский тем не менее достаточно точно воспроизводит претекст: «А где же агнец?» <...> «услышал он ответ (почти что окрик): “В пустыне этой ... Бог ягненка сам найдет себе ... Господь, он сам усмотрит...”» [Бродский, 2001а, с. 258]. Согласно традиционному православному толкованию, этот фрагмент библейского текста является пророческим: Авраам указывает на то, что Бог сам выберет для себя единственного подлинного Агнца, а именно Иисуса Христа.

Аналогия между событиями, произошедшими на горе Мориа и на холме Голгофы, становится еще более прозрачной благодаря включению Бродским в поэму прямой отсылки к образу креста. Она появляется в эпизоде сна Исаака, наполненном символическими образами, главным из которых является образ куста: «Кто: Куст. Что: Куст. В нем больше нет корней. / В нем сами буквы больше слова, шире. / “К” с веткой схоже, “У” – еще сильней. / Лишь “С” и “Т” – в другом каком-то мире. <...> Но вот он понял: “Т” – алтарь, алтарь, / а “С” лежит на нем, как в путях агнец. / Так вот что КУСТ: К, У, и С, и Т. / Порывы ветра резко ветви крянут / во все концы, но встреча им в кресте, / где буква “Т” все пять одна заменит. <...> Лишь верхней планке стоит вниз скользнуть, / не буква “Т” – а тотчас КРЕСТ пред нами. / <...> Земля блестит – и он плывет над ней. / Горит звезда...» [Бродский, 2001а, с. 259]. Предельно

расширяя пространство поэмы, Бродский оставляет лишь две четкие координаты: образы земли и звезды формируют вертикаль, которая в «Исааке и Аврааме» становится вертикалью общения между человеком и Богом. Религиозная семантика образа звезды в целом характерна для лирики Бродского, часто она актуализируется в стихотворениях, входящих в рождественский цикл поэта. Если в рождественских текстах Бродского загорающаяся в небе звезда ассоциируется с рождающимся Спасителем, то в «Исааке и Аврааме» она непосредственно связана с его смертью на кресте.

Характерно, что «Исаак и Авраам» оказывается фактически единственным произведением Бродского, в котором крест становится не столько местом страдания (об этом см. ниже), сколько средством человеческого спасения. Отсюда – почти пасхальная радость, которой наполнены строки поэмы: «Пойдем туда, где все сейчас грустят. / Пускай узрят они, что в мире зла нет. <...> / Открой глаза – здесь смерти нет в помине. <...> / Открой глаза: небесный куст в цвету» [Бродский, 2001а, с. 260–261]. Образ расцветшего куста недвусмысленно отсылает к идее торжества жизни над смертью, заложенной в финале евангельского повествования.

В отличие от «Исаака и Авраама», в созданной спустя несколько лет небольшой поэме «Речь о пролитом молоке», Бродский обраща-

ется к религиозной теме в тексте с современной проблематикой. Это произведение, написанное в 1967 г., автобиографично и остро социально. Поэт начинает с того, что подчеркивает внешнюю идилличность общества победившего социализм, которое преодолело ужасы революции, войны и террора: «Жизнь вокруг идет как по маслу» [Бродский, 2001б, с. 180], «То есть, все основания быть спокойным» [Бродский, 2001б, с. 180], «Джугашвили хранится в консервной банке. / Молчит орудие на полубаке» [Бродский, 2001б, с. 181]. Единственную диссонирующую нотку в эту картину торжества справедливости вносят отсылки к личной трагедии поэта, уже пережившего к этому времени преследования КГБ, арест, тюрьму, лечение в психиатрической больнице, а также ссылку: «Двадцать шесть лет непрерывной тряски, рытья по карманам, судейской таски» [Бродский, 2001б, с. 180].

Между тем постепенно идея о современном обществе всеобщего благоденствия начинает подвергаться Бродским сомнению. От собственно советских реалий поэт переходит к ироническому, а затем и к трагическому изображению европейской цивилизации вообще, состояние которой изображается с помощью метафорического ряда, связанного с наркоманией: «Кайф, состояние эйфории, / диктовать нам будет свои законы» [Бродский, 2001б, с. 185], «...благодаря хорошему зелью, / закружимся в облаках

каруселью. / Будем спускаться на землю / исключительно для укола» [Бродский, 2001б, с. 185]. Современное цивилизованное общество, по мнению поэта, своей целью ставит погоню за удовольствием, бесконечное самоудовлетворение.

В этом контексте начинает звучать в поэме религиозная тема: «Наркоманы прицепят себе погонны. / Шприц повесят вместо иконы / Спасителя и Святой Марии» [Бродский, 2001б, с. 185]. Бродский сразу же указывает на наиболее болевую точку и советского атеистического общества, и западного капиталистического (еще один из центральных мотивов поэмы – мотив денег и их власти над человеком): полная обращенность на себя предполагает отказ от божественного измерения. Характерно, что традиционный для европейской культуры образ неба как места средоточия божественного показан как место пребывания находящегося в наркотическом опьянении человека («закружимся в облаках каруселью»), а эмблемой подмены Бога самим собой, выступает образ шприца на месте иконы как образ обращенности на самого себя там, где должна быть обращенность к Богу.

Для поэмы в целом характерно ироничное обыгрывание главных лозунгов советской идеологии, Бродский отсылает читателя и к популярному в атеистической культуре определению религии: «Нынче поклонники оборота / “Ре-

лигия – опиум для народа” / поняли, что им дана свобода, / дожили до золотого века. / Но в таком рестре (издержки слога) / свобода не выбрать – весьма убога. / Обычно тот, кто плюет на Бога, / плюет сначала на человека» [Бродский, 2001б, с. 187]. В контексте интерпретации современного общества как общества наркоманов знаменитый атеистический лозунг приобретает дополнительные смысловые обертоны. Между тем в самом произведении Бродского звучит явная полемика с высказыванием К. Маркса «религия – опиум народа» (использовалось им в работе «К критике гегелевской философии права» (1843)), так как именно религиозная жизнь, по мнению автора поэмы, выступает единственной реальной альтернативой наркотическому экстазу (об особенностях рецепции Бродским советского дискурса в поэме см. подробнее [Федотова, 2023]).

Афористическое выражение «Обычно тот, кто плюет на Бога, плюет сначала на человека» напоминает нравственную максиму, в безальтернативной форме, доносящей до читателя идею о единстве в этическом плане человеческого и божественного. Между тем, учитывая религиозную направленность поэмы, она вполне может быть прочитана и как евангельская аллюзия, отсылка к эпизоду издевательств над Иисусом, непосредственно предшествующих распятию: «Тогда плевали Ему в лице и

заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам» (Мф. 26: 67) [Библия], «...и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове» (Мф. 27: 30) [Библия]. Привлечение евангельского контекста значительно углубляет трагизм ситуации богооставленности современного человека и общества в целом. «Православные! Это не дело! / Что вы смотрите обалдело?! / Мы бы предали Божье Тело, / расчищая себе пространство» [Бродский, 2001б, с. 186] – подчеркнуто в эмоциональных словах Бродский прямо пишет о забвении и предательстве человеком Бога в сегодняшнем мире. Отсылки к образу страдающего Христа добавляют смысловой глубины и образу лирического героя, муки которого хотя в основном и отнесены в прошлое, но тем не менее оставляют на его душе глубокий след.

Хотя на уровне социума ситуация трагической разобщенности человека и Бога показана Бродским вполне ясно, интонации религиозного поиска пронизывают собой все пространство «Речи о пролитом молоке». Реализуется этот поиск не на уровне общественного, а на уровне личного. В очень разноплановой и разнообразной по интонациям поэме принципиально постоянное авторское возвращение к одной и той же ситуации. Поэт вновь и вновь подчеркивает, что он находится ночью в одиночестве в своей квартире и смотрит в окно. В начале поэмы: «В окне напротив горит лампада

<...> Вижу только лампаду. Зато икону / я не вижу» [Бродский, 2001б, с. 181], центральная часть заканчивается словами: «Планеты раскачиваются, как лампы, / которые Бог возжег в небосводе / в благоговеньи своем великом / перед непознанным нами ликом» [Бродский, 2001б, с. 187] и, наконец, в финале поэмы: «Остается тихо сидеть, поститься / да напротив в окно креститься, / пока оно не погасло» [Бродский, 2001б, с. 190].

Икона, которую пытается увидеть лирический герой, в контексте смыслового целого поэмы отчетливо противопоставлена шприцу, которым современная цивилизация, «плюющая» на Бога и на человека, пытается заменить образы «Спасителя и Святой Марии». Очевидно, что трехкратное возвращение к одним и тем же образам (окно, икона, свет лампы) – это отнюдь не повторение, в нем явно прослеживается динамика. От ситуации созерцания лирический герой обращается к активным действиям (крест – форма молитвы). Хотя лик Бога так и остается «непознанным», поиск возможности диалога с ним оказывается для автора принципиальным. Горизонтальное измерение текста (взгляд из окна в окно) оказывается в то же время и измерением вертикальным (от человека к Богу), эта же вертикаль выстраивалась и в поэме «Исаак и Авраам». Показательно, что в поиске диалога с Богом преодолевается одиночество лирического героя, чья разобщенность с

современным, прежде всего советским, обществом постоянно подчеркивалась на протяжении всей поэмы. Лампада зажжена в окне напротив, и ситуация молитвы оказывается объединяющей личности.

Схожим по проблематике с поэмой «Речь о пролитом молоке» является позднее стихотворение Бродского «Развивая Платона» (1976). В нем поэт обращается к идеям античного философа об идеальном государстве и создает собственный вариант кажущегося на первый взгляд идеальным города. Этот город характеризуется гармоничным единством природного и культурного, прошлое здесь органично соединяется с современностью, а частная жизнь полна комфорта. Показательно, что в стихотворении отсутствует выстроенная в ранее проанализированных текстах пространственная вертикаль, а замкнутое пространство сочетается при изображении города с остановившемся временем («Время <...> в темноте там разглаживало бы морщины / и стирало бы собственные следы» [Бродский, 2001в, с. 123]).

Между тем, как и в случае с поэмой «Речь о пролитом молоке», нарисованная Бродским идиллия оказывается внутренне несостоятельной, а утопия оборачивается антиутопией. Важным признаком внутренней кризисной изображенной картины выступает указание Бродского на то, что правит идеальным городом тиран: «Чтобы там была Опера, и чтоб в ней ветеран /

– тенор исправно пел арию Марио по вечерам; / чтоб Тиран ему аплодировал в ложе, а я в партере / бормотал бы, сжав зубы от ненависти: «баран»» [Бродский, 2001в, с. 122]. Изображение тирана в бытовой ситуации свойственно лирике Бродского (см., например, стихотворения, «Одному тирану» (1972), «Резиденция» (1983), эссе «О тирании» (1979)), однако внешняя стабильность и «нормальность» событий не должна обманывать читателя. Злодеяния тирана (массовые репрессии в «Одному тирану» или убийство сына под пытками в «Резиденции») подаются автором как нечто обыденное, но в обыденности зло оказывается еще более страшным.

Тот же принцип наблюдается и в стихотворении «Развивая Платона». Власть тирана – это признак тоталитарного государства, а тоталитаризм у Бродского неизменно вступает в конфликт с личностью, что происходит и в финале стихотворения, который кажется совершенно неподготовленным всем предыдущим текстом: «И когда бы меня схватили в итоге за шпионаж, / подрывную активность, бродяжничество, мена- / а-труа, и толпа бы, беснуясь вокруг, кричала, / тыча в меня натруженными указательными: “Не наш!” – / я бы втайне был счастлив, шепча про себя: “Смотри, / это твой шанс узнать, как выглядит изнутри / то, на что ты так долго глядел снаружи; / запоминай же подробности, восклицая “Vive la patria!”» [Брод-

ский, 2001в, с. 124]. Изображение беснующейся кричащей толпы, жаждущей смерти лирического героя, включает в себя аллюзию на евангельский сюжет, предшествующий казни Иисуса. Понтий Пилат, предпринимая попытку спасти Христа, предлагает толпе отпустить его ради приближающегося праздника Пасхи, однако «весь народ стал кричать: смерть ему», «они кричали: Распни, распни его» (Лак. 23: 18–21) [Библия]. Как и в случае с поэмой «Речь о пролитом молоке», Бродский отсылает читателей к наиболее трагичному эпизоду евангельского повествования, когда Христос оказывается предан народом. В стихотворении «Развивая Платона» трагизм ситуации усугубляется тем, что если в настоящем поэмы «Речь о пролитом молоке» лирический герой находится в относительно стабильном положении, то в данном случае он вступает в прямое столкновение с окружающим его населением идеального города. Евангельская аллюзия используется Бродским в момент наивысшего эмоционального напряжения текста, его эмоциональной кульминации (об этой особенности актуализации евангельского текста см. подробнее [Лученецкая-Бурдина, 2021]). Соотнесение образа страдающего лирического героя с Иисусом Христом перед казнью подчеркивает степень абсолютной разобщенности его с тоталитарным обществом.

В отличие от проанализированных произведений, в которых при рецепции сюжета распятия внимание Бродского привлекает исключительно фигура Иисуса Христа, существует ряд текстов поэта, в которых рядом со страдающим Христом появляется образ Богоматери. Наиболее ярко соотнесенность двух образов проявилась в стихотворении «Натюрморт» (1971). Это одно из наиболее трагичных произведений Бродского, написанное вскоре после перенесенной тяжелой болезни, когда поэт начал уже всерьез готовиться к смерти. В основе стихотворения, также как и в «Речи о пролитом молоке» или «Развивая Платона», лежит мысль о безграничном одиночестве поэта. Однако теперь это одиночество не социальное, а экзистенциальное: «Вещи и люди нас / окружают. И те, / и эти терзают глаз. / Лучше жить в темноте» [Бродский, 2001б, с. 422].

Терзания лирического героя обусловлены не только его разобщенностью с окружающими, но преимущественно определяются пониманием всеобщей смертности людей, в том числе, естественно, и себя. Показательно, что, если Бродский начинает с утверждения противопоставленности человека и вещи по причине смертности первого («О вещах, а не о / людях. Они умрут. / Все. Я тоже умру» [Бродский, 2001б, с. 422]), то, говоря затем о вещах, он использует образный ряд, отчетливо ассоциирую-

щийся с тлением («Внутри у предметов – пыль. / Прах <...> Пыль. И включенный свет / только пыль озарит. Даже если предмет / герметично закрыт» [Бродский, 2001б, с. 423]). Свет, который в лирике поэта обычно несет положительный смысл и вызывает прямые параллели с религиозной темой (ср. образы звезды и свечи в «Исааке и Аврааме» и лампы в «Речи о пролитом молоке»), в контексте «Натюрморта» оказывается бессильным перед всеобщей смертностью. Характерно, что Бродский не ограничивается этим намеком, но и использует более прямой религиозный образ: «Швабра, епитрахиль / пыль не сотрут. Сама / вещь, как правило, пыль / не тщится перебороть, <...> ибо пыль – это плоть / времени; плоть и кровь» [Бродский, 2001б, с. 423–424]. Упоминание епитрахили, которая является неотъемлемой частью одежды священнослужителя и символизирует его благодатные дарования, вносит новый, еще более трагический обертон в текст. Даже религия оказывается неспособной противостоять разрушительной силе времени и смерти.

Ключевое для семантики произведения противопоставление жизни и смерти на новом уровне реализуется в последней части стихотворения. Последняя часть построена на аллюзии к эпизоду распятия. Показательно, что структурно «Натюрморт» в этом случае явно перекликается с «Реквиемом» А. А. Ахматовой, заключительная

часть которого (перед эпилогом) также соотносится с Евангелием и прямо называется «Распятие». В отличие от Ахматовой, подчеркивающей, что «туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел» [Ахматова], Бродский домысливает не содержащийся в евангельском тексте диалог между Богородицей и Христом, что может быть расценено как отсылка к кондаку Романа Сладкопевца «Плач Пресвятой Богородицы при Кресте», читающемуся в Страстную Пятницу. Принципиальные для Кондака слова вынесены в эпифору. Обращаясь к Христу, Богородица непрерывно повторяет: «Ты еси Сын и Бог Мой» [Роман Сладкопевец]. В своем стихотворении Бродский обращается к переосмыслению этого непрерываемого для Богородицы тезиса: «Мать говорит Христу: <...> Ты мой сын или Бог? / То есть мертв или жив?» [Бродский, 2001б, с. 425]. Замена союза (и на или) придает тексту Бродского напряженность и новый смысл, не свойственный оригинальному религиозному произведению.

Центральная для «Натюрморта» идея торжества смерти сталкивается с событием распятия, которое в христианстве парадоксально трактуется именно как победа жизни над смертью. Между тем в финале стихотворения Бродский сознательно уходит от христианской метафизики. В отличие от поэмы «Исаак и Авраам», в которой за крестом действительно следовало

воскресение, финал «Натюрморта» намеренно открыт: «Он говорит в ответ: / – Мертвый или живой, / разницы, жено, нет. / Сын или Бог, я твой» [Бродский, 2001б, с. 425]. Заключительные строки текста, хотя и привносят в стихотворение некий положительный итог («я твой» звучит как альтернатива полному одиночеству лирического героя), тем не менее на онтологическом уровне оставляют вопрос о торжестве жизни или смерти принципиально неразрешенным. В этом случае, безусловно, отталкиваясь от традиционного религиозного понимания сюжета распятия и образа Иисуса Христа, Бродский так и не меняет союз «или» на «и».

Иными чувствами и настроениями проникнуто написанное годом позже стихотворение Бродского «Сретенье» (1972), по многим параметрам перекликающееся с «Натюрмортом». Оно также несет на себе ахматовский «след»: посвященное Анне Ахматовой, по мнению исследователей, стихотворение является плодом многочисленных разговоров Бродского с поэтессой о религиозной поэзии («Помню, мы с Ахматовой обсуждали возможность переложения Библии стихами. Здесь, в Америке, никто из поэтов этим заниматься не стал бы» (Цит. по: [Лосев, 2008, с. 137])). В стихотворении, как и в поэме «Исаак и Авраам», Бродский обращается к библейскому сюжету и вполне точно воспроизводит евангельское повествование о том, как младенцем Иисус был принесен

в храм и был встречен там старцем Симеоном и пророчицей Анной.

В этом эпизоде, где Симеон видит Иисуса еще только младенцем, лежащим на руках матери, уже звучит пророчество старца о будущих страданиях Богородицы, напоминающих ситуацию, изображенную в «Натюрморте»: «И Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лк. 2: 35) [Библия]. Бродский расширяет и уточняет этот фрагмент евангельского текста: «И тем же оружием, Мария, которым / терзаема плоть его будет, твоя / душа будет ранена. Рана сия...» [Бродский, 2001в, с. 14]. Тем самым Бродский вновь напрямую отсылает читателя к событиям распятия и, как и в «Натюрморте», подчеркивает соотнесенность страданий Иисуса и Богоматери.

Между тем, в отличие от «Натюрморта», роль искупительной жертвы Иисуса в стихотворении не подвергается сомнению и это выступает тем очевиднее, что основной для «Сретенья» также, как и для «Натюрморта», выступает тема смерти. В соответствии с библейским пророчеством, увидев младенца Иисуса, старец Симеон готовится встретить смерть, что отразилось в знаменитых словах: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром» (Лк. 2: 29) [Библия]. Вторую часть своего стихотворения Бродский посвящает изображению смерти Симеона: «Он шел умирать <...> И образ Младенца с сияньем вокруг / пушистого темени смерт-

ной тропею / душа Симеона несла
пред собою / как некий светильник,
в ту черную тьму, / в которой дото-
ле еще никому / дорогу себе оза-
рять не случилось. / Светильник
светил, и тропа расширилась»
[Бродский, 2001в, с. 14–15].

Как и в «Натюрморте», вновь перед читателем противопоставление света и тьмы, но теперь Бродский, как и в поэмах «Исаак и Авраам» и «Речь о пролитом молоке», показывает образ света как символ жизни альтернативой образу тьмы как символу смерти. В отличие от всех перечисленных текстов, именно в «Сретенье» образ света воспринимается как атрибут Иисуса Христа, что находится в русле его евангельского понимания. Вспомним, например, характерные слова Иисуса из Евангелия от Иоанна: «Я – свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет» (Ин. 8:12) [Библия]. Идея о божественной сущности Христа и искупительной для человечества роли его страданий, по сравнению с другими проанализированными текстами, в стихотворении звучит наиболее отчетливо. Несмотря на то, что в стихотворении изображена смерть, финал его столь же оптимистичен, как и в поэме «Исаак и Авраам»: от изображения ситуации мучительного одиночества, в целом характерной для лирики Бродского, поэт обращается к демонстрации состоявшегося Богообщения, единства человека и Бога.

Заключение

Рассмотренные в статье произведения Бродского в основном написаны еще до его вынужденной эмиграции, состоявшейся в 1972 году. Пропаганда атеизма, свойственная советскому обществу, не заставила поэта отвернуться от религиозных тем, но, наоборот, даже стимулировала его вновь и вновь обращаться к христианским мотивам и образам. Показательно в этой связи следующее воспоминание Б. Янгфельдта. Когда будущий биограф поэта спросил его, почему на фотографии 1972 года на груди Бродского есть нателный крестик, Бродский ответил: «В те времена я относился к этому несколько более, как вам сказать, систематически», «отчасти это была форма сопротивления системе, с другой стороны, за этим стоит совершенно феноменальное культурное наследие, с третьей стороны, – чисто религиозный аспект, с которым у меня отношения всегда были в достаточной степени неблагоприятными» (Цит. по: [Янгфельдт]). Безусловно, Бродский не был ортодоксальным православным автором, но его неотступное стремление размышлять над евангельскими образами выделяется на фоне советской поэзии 1960–1970-х гг. Привлечение евангельского текста неизменно углубляет философские смыслы поэзии Бродского, а различные формы интертекстуальности, используемые автором, активизируют мысль воспринимающего сознания читателя.

Обычно внимание исследователей, рассматривающих религиозную лирику Бродского, привлекает, прежде всего, цикл его рождественских стихотворений [Богомолов, 2004; Бурая, 2022; Бурая, 2021]. Однако сделанный анализ показывает, что не менее важным для поэта – хотя в ряде случаев менее очевидным – выступают сюжет и образы, связанные с распятием. Произведения Бродского, отсылающие к ключевому событию новозаветной истории и христианской религии – крестной смерти Иисуса Христа, – отчетливо распадаются на *две группы*. К *первой* относятся тексты, в которых отсылки к евангельскому эпизоду распятия вплетены в ткань произведений, посвященных темам современным и зачастую остро злободневным («Речь о пролитом молоке», «Натюрморт», «Развивая Платона»). *Во вторую группу* попадают стихотворения и поэмы на собственно религиозные темы («Исаак и Авраам», «Сретенье»), которые хотя прямо и не соотносятся с центральной сюжетной ситуацией Нового Завета, тем не менее также неизменно отсылают к образу распятия.

Деление осуществляется не просто формально. В содержательном плане стихотворения и поэмы, посвященные событиям библейской истории, гораздо более ортодоксальны, а распятие воспринимается

в них именно как искупительная жертва Иисуса Христа, принесенная за грехи мира. Стихотворения на современные темы значительно более личностны, в них образ распятого Христа соотносится с самим лирическим героем, а на первый план выходит не религиозный смысл библейского сюжета, а его эмоциональная составляющая. Уподобление Христа и лирического героя – это уподобление двух страдающих личностей, не принимаемых социумом (в «Речи о пролитом молоке» и «Развивая Платона») или сталкивающихся лицом к лицу со смертью («Натюрморт»). Характерно в этой связи, что евангельские аллюзии обычно актуализируются Бродским в тех фрагментах текстов, которые претендуют на роль эмоциональных кульминаций.

Отсутствие однозначности в трактовке образа распятого Христа, наиболее отчетливо проявившееся в написанных фактически друг за другом «Натюрморте» и «Сретенье», демонстрирует непрерывный религиозный поиск Бродского, поиск Бога как в пределах земной реальности, так и за ее границами. Этот поиск придает лирике поэта особенную метафизическую остроту, выводя ее за пределы ограниченной (в данном контексте в плане религиозности) советской действительности.

Библиографический список

1. Ахапкин Д. «Источник света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.

2. Ахматова А. А. Реквием. URL: <https://www.culture.ru/poems/10174/rekviem>. (Дата обращения: 20.09.2023).
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. URL: <https://bible-teka.com/>. (Дата обращения: 20.09.2023).
4. Богданова О. В. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.
5. Богданова О. В. Потенциальная энергия претекста: структурно-композиционные особенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Научный диалог. 2023. № 3. С. 206–233.
6. Богомолов Н. О двух «рождественских стихотворениях» И. Бродского // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. Москва : Новое литературное обозрение, 2004. С. 478–485.
7. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001а. 304 с.
8. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001б. 440 с.
9. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001в. 312 с.
10. Бурая М. А. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского / М. А. Бурая, О. В. Богданова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27.
11. Бурая М. А. Стихотворение «Presepìo» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditiorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.
12. Верхейл К. Образ Христа у Бродского // И. А. Бродский: pro et contra: антология. Санкт-Петербург : РХГА, 2022. С. 311–329.
13. Измайлов Р. «Библейский текст» в творчестве Бродского: священное время и пространство // Сибирские огни. 2008. №5. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2008/5>. (Дата обращения: 20.09.2023).
14. Как работает стихотворение Бродского. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. 304 с.
15. Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Москва : Молодая гвардия, 2008. 479 с.
16. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Функционирование евангельских цитат в «автобиографическом» нарративе Н. С. Лескова / И. Ю. Лученецкая-Бурдина, А. А. Федотова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 8–17.
17. Мищенко Е. В. Библейская тема в лирике Иосифа Бродского // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 59–63.
18. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.
19. Роман Сладкопевец. Плач пресвятой Богородицы при Кресте. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Roman_Sladkopevets/kondak-plach-presvjatoj-bogoroditsy-pri-kreste/. (Дата обращения: 20.09.2023).

20. Чаунина Н. В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. №6. С. 232–241.

21. Федотова А. А. От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. №1. С. 28-35.

22. Янгфельдт Б. Пламенный антиязычник. URL: <https://biography.wikireading.ru/43195>. (Дата обращения: 20. 09. 2023).

23. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. Москва : Астрель, CORPUS, 2011. 367 с.

24. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. Pp. 121–163.

Reference list

1. Ahapkin D. «Istochnik sveta» Iosifa Brodskogo = Joseph Brodsky's "The Source of Light" // Zvezda. 2018. № 5. S. 37–56.

2. Ahmatova A. A. Rekviev = Requiem. URL: <https://www.culture.ru/poems/10174/rekviev>. (Data obrashhenija: 20.09.2023).

3. Biblija. Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta.= The Bible. Books of Holy Scripture of the Old and New Testament. URL: <https://bible-teka.com/> (data obrashhenija: 20.09.2023).

4. Bogdanova O. V. «Inogda chuvstvuju sebja Shekspirom...» (intertekstual'nye plasty «Pilgrimov» I. Brodskogo) = "Sometimes I feel like Shakespeare..." (intertextual layers of I. Brodsky's "Pilgrims") / O. V. Bogdanova, E. A. Vlasova // Nauchnyj dialog. 2021. № 8. S. 129–148.

5. Bogdanova O. V. Potencial'naja jenergija preteksta: strukturno-kompozicionnye osobennosti «Isaaka i Avraama» Iosifa Brodskogo = The potential energy of the pre-text: structural and compositional features of Joseph Brodsky's Isaac and Abraham / O. V. Bogdanova, T. N. Baranova // Nauchnyj dialog. 2023. № 3. S. 206–233.

6. Bogomolov N. O dvuh «rozhdstvenskih stihotvorenijah» I. Brodskogo = On two "Christmas poems" by I. Brodsky // Bogomolov N. Ot Pushkina do Kibirova. Stat'i o russkoj poezii. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. S. 478–485.

7. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 1.= Works by Joseph Brodsky: in 7 vols. V. 1. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001a. 304 s.

8. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 2.= Works by Joseph Brodsky: in 7 vols. V. 2. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001b. 440 s.

9. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 3. = Works by Joseph Brodsky: in 7 vols. V. 3. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001v. 312 s.

10. Buraja M. A. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdstvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, chego» I. Brodskogo = Supertextual unity of the Christmas, Italian and love pretexts in I. Brodsky's "I Was Only What" / M. A. Buraja, O. V. Bogdanova // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 17–27.

11. Buraja M. A. Stihotvorenje «Presepio» v kontekste rozhdestvenskogo cikla I. Brodskogo = The poem “[Presepio]” in the context of I. Brodsky's Christmas cycle // Acta eruditorum. 2021. Vyp. 37. S. 6–16.

12. Verhejl K. Obraz Hrista u Brodskogo = The image of Christ in Brodsky's work // I. A. Brodskij: pro et contra: antologija. Sankt-Peterburg : RHGA, 2022. S. 311–329.

13. Izmajlov R. «Biblejskij tekst» v tvorcestve Brodskogo: svjashhennoe vremja i prostranstvo = 'The Bible text' in Brodsky's work: sacred time and space // Sibirskie ogni. 2008. №5. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2008/5>. (Data obrashhenija: 20.09.2023).

14. Kak rabotaet stihotvorenje Brodskogo = How Brodsky's poem works. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 304 s.

15. Losev L. Iosif Brodskij: opyt literaturnoj biografii = Joseph Brodsky: a literary biography experience. Moskva : Molodaja gvardija, 2008. 479 s.

16. Lucheneckaja-Burdina I. Ju. Funkcionirovanie evangel'skih citat v «avtobiograficheskom» narrative N. S. Leskova = Gospel quotations functioning in N. S. Leskov's “autobiographical” narrative / I. Ju. Lucheneckaja-Burdina, A. A. Fedotova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 1 (24). S. 8–17.

17. Mishhenko E. V. Biblejskaja tema v lirike Iosifa Brodskogo = Biblical theme in Joseph Brodsky's poetry // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2008. № 1. S. 59–63.

18. Ranchin A. «Na piru Mnemosiny»: interteksty Brodskogo = At Mnemosyne's Feast: Brodsky's intertexts. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 462 s.

19. Roman Sladkopevec. Plach presvjatoj Bogorodicy pri Kreste = Romanus the Melodist. The Lament of the Most Holy Theotokos at the Cross. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Roman_Sladkopevets/kondak-plach-presvjatoj-bogoroditsy-pri-kreste/. (Data obrashhenija: 20.09.2023).

20. Chaunina N. V. Osobennosti voploshhenija kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» = Features of implementing communicative strategies in I. Brodsky's poem Speech over Spilled Milk // Nauchnyj dialog. 2019. №6. S. 232–241.

21. Fedotova A. A. Ot Lucija Anneja Seneki k Karlu Marksu: sovetskaja jepoha v «Rechi o prolitom moloke» I. Brodskogo = From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: The Soviet Era in I. Brodsky's Speech over Spilled Milk // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. №1. S. 28-35.

22. Jangfel'dt B. Plamennyj antijazychnik = An ardent anti-pagan. URL: <https://biography.wikireading.ru/43195>. (Data obrashhenija: 20. 09. 2023).

23. Jangfel'dt B. Jazyk est' Bog. Zаметki ob Iosife Brodskom = Language is God. Notes on Joseph Brodsky. Moskva : Astrel', CORPUS, 2011. 367 s.

24. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. Pp. 121–163.

Статья поступила в редакцию 20.01.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted on 20.01.2024; approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024